

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.С. ГЛАДАРЕВ, Ж.М. ЦИНМАН

МИЛИЦИОНЕРЫ И ГАСТАРБАЙТЕРЫ: УЛИЧНЫЕ ПРАКТИКИ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕСУРСОВ

На основе материалов исследования, проведенного в Санкт-Петербурге в 2006–2008 гг. качественными методами в русле традиции «понимающей социологии», реконструированы типичные ситуации дискриминирующего социального взаимодействия между рядовыми сотрудниками милиции и этническими трудовыми мигрантами из стран Центральной Азии и Закавказья и правила, которыми руководствуются обе стороны. Делается вывод о социально-экономических истоках «милицейской ксенофобии».

Ключевые слова: практики социального взаимодействия, этнические трудовые мигранты, дискриминация, ксенофобия, социология милиции.

Практики этнической дискриминации в работе милиции как предмет социологического исследования

В 1990-х годах в российском обществе появились новые социальные группы людей без гражданства РФ — граждане СНГ, приезжающие учиться или работать в Россию. По данным Всемирного банка, с 2005 г. Россия занимает второе место в мире по числу принимаемых мигрантов после США [54, с. 2]. По разным оценкам, на территории РФ находятся от 10 до 16 млн мигрантов, большинство из которых приехали на заработки из безвизовых стран СНГ — Армении, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Украины, Узбекистана.

Гладарев Борис Сергеевич — кандидат социологических наук, сотрудник Центра независимых социологических исследований.

Электронная почта: gladarevb@mail.ru

Цинман Жанна Михайловна — привлеченный сотрудник Центра независимых социологических исследований. **Адрес:** 191040, Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 87, оф. 301.

Электронная почта: tsinman@mail.ru

Работа выполнена в рамках проекта «Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге» (2006–2008 гг.), поддержанного фондом Дж. и К. МакАртуров (грант № 06-86959-000-GSS).

В регулировании миграционных потоков российская власть опирается в основном на милицию и выделенную из нее в 2004 г. Федеральную миграционную службу (ФМС)¹. То есть мигрантами в стране стали заниматься силовые структуры, что, по мнению независимых экспертов, свидетельствует о репрессивном векторе миграционной политики: в мигрантах видят, прежде всего, угрозу общественной безопасности [28, с. 9].

В социологической литературе, материалах СМИ [см.: 6, 11, 23, 25, 51 и др.], в докладах правозащитных организаций собраны свидетельства распространенности практик этнической дискриминации в деятельности «стражей порядка». В 2003 г. Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации выразил российскому правительству озабоченность «сообщениями об избирательных, по расовому признаку, проверках документов у представителей отдельных меньшинств, в том числе народов Кавказа и Средней Азии» [56, с. 62]. Упоминания о распространенности ксенофобских практик в деятельности милиции содержатся в докладе Международной амнистии 2006 г. [37], в совместном отчете о положении мигрантов в России, подготовленном НКО «Гражданское содействие» и Международной федерацией по правам человека (FIDH) в 2007 г. [28]. Уже в 2009 г. эксперты Human Rights Watch констатировали, что «усилия российских властей по борьбе с расовой дискриминацией и насилием в отношении представителей меньшинств в целом остаются недостаточными» [54, с. 14].

Проект «Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге» был задуман, чтобы эмпирически, как говорят сами милиционеры, «на земле», зафиксировать уровень распространенности расистских и ксенофобских установок в профессиональной группе сотрудников правоохранительных органов, непосредственно работающих с иноэтничным населением.

¹ ФМС была учреждена 22 сентября 1992 г. постановлением Правительства РФ № 740. Согласно ему ФМС объявлялась федеральным органом государственного управления, осуществляющим политику в области надзора за миграцией населения, однако практически эту задачу выполняла паспортно-визовая служба органов внутренних дел. Относительную самостоятельность от МВД ФМС получила только 19 июля 2004 г., когда президент РФ В. Путин подписал указы «Вопросы Министерства внутренних дел РФ» и «Вопросы Федеральной миграционной службы». Первым указом была изменена структура МВД, при этом полномочия министерства остались без изменений. Вторым указом была образована Федеральная миграционная служба. Ей переданы функции паспортно-визовой службы и подразделения по делам миграции МВД, а также вменены функции контроля и надзора в сфере внешней трудовой миграции и привлечения иностранных работников в РФ. Фактически ФМС была создана путем выделения из МВД [50, с. 98].

Анализ российской дискуссии по социологии милиции показывает, что проблема взаимодействия «стражей порядка» и представителей этнических меньшинств находится на периферии внимания отечественных исследователей. Данные о том, где, как, а главное, по каким правилам происходит взаимодействие представителей этих социальных групп, фрагментарны: эмпирическая база исчерпывается материалами трех полевых исследований, проведенных в Москве в 2003–2005 гг. [15, 47, 53, 56]. Интерпретации практик взаимодействия весьма ограничены, при этом сторона этнических мигрантов фактически не представлена. За рамками социологического анализа остаются темы, связанные с выявлением источников этнически избирательного подхода и дискриминации в работе российской милиции. В публикациях, претендующих на теоретический анализ, наблюдается разрыв между представленными эмпирическими материалами и возможными теоретическими моделями их интерпретации.

Задача статьи — по возможности заполнить образовавшуюся лауну и предложить интерпретацию причин, стимулирующих устойчивое воспроизводство ксенофобских практик в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

В фокусе внимания — две замкнутые и труднодоступные для наблюдения социальные группы: профессиональное сообщество милиционеров и гетерогенная группа иноэтничных трудовых мигрантов, прибывших из стран Средней Азии и Кавказа². Выбор именно этой группы мигрантов обусловлен несколькими соображениями. Во-первых, иноэтничные трудовые мигранты (гастарбайтеры) наиболее болезненно воспринимаются в российском медиа-дискурсе³. Во-вторых, трудовые мигранты — наименее социально защищенная группа среди иноэтничного населения РФ, что находит отражение в недавних социологических исследованиях миграции [2, 12, 21, 30, 31, 33, 39]. В-третьих, именно эта социальная группа привлекает наибольшее внимание со стороны сотрудников милиции, что подтверждается данными как нашего, так и других, более ранних исследований [53, 56]⁴. Фенотипические отличия выходцев из среднеазиатских

² Как отмечал заведующий отделом социологии фонда ИНДЕМ В. Римский, «объективные исследования деятельности правоохранительных органов в России затруднены их весьма высоким уровнем закрытости» [44, с. 71]. А доступ к трудовым мигрантам из стран Средней Азии и Кавказа ограничен тем, что обычно представители этой социальной группы живут изолированно, имеют очень мало свободного от работы времени и часто плохо владеют русским языком [1].

³ О роли СМИ в разжигании российской ксенофобии см. [18, 57].

⁴ Отмечается, что жертвами агрессивной ксенофобии со стороны милиционеров чаще всего становятся представители народов Кавказа: «Конфликты с местным населением и правоохранительными органами побуждают их в

республик и уроженцев Кавказа позволяют милиционерам легко идентифицировать их в Петербурге. Сходным образом в московском метрополитене «рабочие-мигранты, преимущественно с Кавказа или из Средней Азии, становятся объектом эксплуатации и злоупотреблений. Особенно уязвимы люди с “неславянской” внешностью, поскольку милиция обращает на них внимание из-за их предполагаемой национальности» [56, с. 12].

Для понимания социальных правил и типичных форм, по которым организуется взаимодействие этнических гастарбайтеров с сотрудниками правоохранительных органов, наибольший интерес представляет милиция общественной безопасности (МОБ). Это самое крупное по кадровому составу подразделение МВД [46, с. 385], на которое возложены задачи по «обеспечению безопасности личности, общественной безопасности, охране собственности, общественного порядка, выявлению, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений» [36, с. 9–11]. В состав МОБ входят служба участковых, патрульно-постовая служба (ППС), включая ППС транспортной милиции, ГИБДД, ОМОН, служба по делам несовершеннолетних (ПДН) и подразделения вневедомственной охраны. Милиционеры МОБ охраняют порядок в общественных местах: на улицах, рынках, вокзалах. Они чаще других сотрудников правоохранительных органов вступают во взаимодействие с разнообразными слоями и социальными группами российского населения, в том числе и с представителями этнических меньшинств. Кроме того, именно сотрудники МОБ олицетворяют органы охраны правопорядка в глазах населения⁵.

Предметом нашего анализа являются типичные ситуации взаимодействия между сотрудниками МОБ и этническими трудовыми мигрантами, внутренние правила, по которым строится это взаимодействие, а также основные мотивы его участников.

Предваряя анализ, коротко опишем методологию исследования и собранную эмпирическую базу — основания, на которых строятся наши дальнейшие рассуждения. В проекте были использованы взаимодополняющие методы качественной социологии: участвующее наблюдение и

пять раз чаще менять место жительства на территории России по сравнению с мигрантами из числа русских, проживающих в странах СНГ и прибывающих в Россию в поисках работы» [5].

⁵ Авторы курса «Эстетическая культура сотрудников ОВД России» многократно подчеркивали: «Надев форму сотрудника милиции, человек становится своеобразным символом государства и закона». И далее: «Облаченный в форму сотрудник милиции наделяется не только контрольно-запретительными, но и принудительными полномочиями ... поэтому надо помнить, что по поведению сотрудника судят о состоянии законности и правопорядка в стране, обо всей милиции в целом, и особенно беречь честь мундира» [55, с. 141, 173, 238].

интервью. Включенное наблюдение позволило зафиксировать и описать специфические практики повседневной рутинной работы сотрудников милиции с представителями этнических меньшинств. Но чтобы понять внутренний смысл наблюдаемого социального взаимодействия, важно получить интерпретации наблюдаемых ситуаций от самих участников, поэтому полевая работа включала слабоструктурированные интервью с милиционерами, представителями этнических меньшинств и экспертами. Такой методологический дизайн позволил не только собрать большой массив данных, но и применить метод триангуляции для их верификации.

При сборе эмпирических данных участники проекта столкнулись с серьезными ограничениями доступа к представителям интересующих социальных групп (особенно это касалось милиционеров). Несмотря на все усилия, петербургская исследовательская группа не получила официального разрешения на наблюдение в отделах милиции и интервьюирование сотрудников МОБ, поэтому в Санкт-Петербурге наблюдение проводилось неофициально, а информанты-милиционеры подбирались через социальные сети участников проекта. С одной стороны, такой подход ограничил для нас возможности проведения полноценного кейс-стади [20], поскольку отсутствовало легальное разрешение для доступа в ОВД и наблюдение велось нерегулярно, но, с другой стороны, информанты, найденные через социальную сеть, были более откровенны в своих высказываниях, чем их коллеги, отвечающие на вопросы интервьюеров по приказу начальства. Опыт предыдущих исследований милиции указывает на ограниченную эффективность организуемого «сверху» доступа в профессиональную среду милиционеров. Конечно, иерархичность МВД позволяет социологу проникать в различные подразделения, однако в его санкционированном сверху присутствии сотрудники видят «еще одну министерскую проверку». Информанты в погонах очень недоверчиво относятся к любому внешнему интересу, затрагивающему их профессиональную сферу, поэтому собранные «по приказу» данные часто весьма лаконичны и формальны [10].

При написании этой статьи мы использовали полевые материалы, собранные в Петербурге. Данные, полученные исследователями в Казани, демонстрируют, что ситуация в столице Татарстана отличается по целому ряду параметров, однако сравнение не входит в задачи статьи. Массив полевых материалов составляют 19 интервью с представителями этнических меньшинств (выходцами из стран Средней Азии и Закавказья), 22 глубинных интервью с сотрудниками петербургской милиции (в основном сотрудники ППС, транспортной милиции и участковые) и 6 интервью с экспертами, так или иначе вовлеченными в проблему взаимодействия милиции и иноэтничных граждан. Экспертами выступили начальник одного из городских отделов милиции,

лидер молодежного отделения азербайджанской диаспоры в Санкт-Петербурге, известный журналист, в прошлом сотрудник МВД, эксперт правозащитной организации, а также два юриста, работающие с этническими мигрантами: адвокат, занимающийся защитой прав представителей этнических меньшинств, и директор юридической консультации, специализирующейся на легализации в РФ иммигрантов из СНГ.

Статья состоит из двух разделов. В первом мы опишем наиболее распространенные практики и некоторые внутренние правила взаимодействия милиционеров и представителей этнических меньшинств. Во втором представим авторскую интерпретацию социальных механизмов, обеспечивающих устойчивое воспроизводство дискриминационных практик сотрудников петербургской МОБ в отношении этнических гастарбайтеров. Поскольку представленные в статье описания и интерпретации основаны на массиве качественных данных, мы будем говорить об «идеальных типах» интересующих нас социальных интеракций (в веберовском понимании), не претендуя на оценку их статистической распространенности.

Типичные ситуации и внутренние правила взаимодействия

Три ситуации социального взаимодействия между этническими гастарбайтерами и сотрудниками милиции общественной безопасности Санкт-Петербурга мы выделили как наиболее типичные: это проверки документов, немотивированное задержание и облава по месту работы или проживания.

Этнически избирательный подход при проверке документов

Материалы участвующего наблюдения в петербургском метро и на территории, прилегающей к Московскому вокзалу, демонстрируют, что этнически избирательная проверка документов является одним из самых распространенных методов работы сотрудников ППС и транспортной милиции. Выхватывание из пассажиропотока «лиц нерусской национальности», чтобы проверить штамп о регистрации или миграционную карту, по-прежнему остается привычной практикой петербургских милиционеров. Внесенные в 2006–2007 гг. изменения в миграционное законодательство [34, 35, 38] позволили многим трудовым мигрантам легализовать свой статус пребывания в РФ⁶, однако изменения почти не отразились на привычных методах работы петербургской милиции.

⁶ «Новое законодательство позволило увеличить прозрачность миграционных потоков более чем в 1,5 раза. Это не мало», — заявил в ноябре 2007 г. директор ФМС РФ К. Ромодановский. По его словам, рост числа трудовых мигрантов, которые работают в России на законных основаниях, подтверждает правильность изменений в миграционное законодательство. «Радует, что мигранты с очевидностью проявили свое желание не прятаться в подполье. К нам едут нормальные люди, они хотят легализоваться. Законодатель не ошибся, сделав работника центральной фигурой процесса легализации», — отметил глава ФМС [45].

Высказывания сотрудников МОБ подтвердили, что неславянские антропологические признаки являются одним из главных оснований для выделения граждан, подвергающихся проверке:

«Этнических мы проверяем регулярно. Это еще с 90-х годов началось... то ли в 94-ом, то ли в 96-ом пошли ориентировки на них. Террористическая угроза и все такое» (36 лет, сержант).

«Естественно, по кавказцам и азиатам работаем. Они на особом учете, потому что много этнических преступных сообществ. Это известно» (24 года, рядовой).

Сами трудовые мигранты также отмечали устойчивость практики этнически избирательной проверки документов:

«Все то же: человек торопится на работу, при мне это было, вот начинает он [милиционер] смотреть регистрацию: "Она у тебя фальшивая. Где ты сделал ее?"» (24 года, этнический азербайджанец, предприниматель).

Другой информант, работающий на стройках Петербурга, высказался еще более определенно:

«Новые правила коснулись только оформления документов, а вот проверки на улице остались как раньше. Уже было несколько случаев у меня, когда приходилось откупаться от ментов, которым по барабану, что у меня все документы нормальные. Они все равно придумают повод, как денег выцыганить» (43 года, этнический узбек).

То, что этнически избирательный подход при проверке документов имеет широкое распространение в России, подтверждается результатами количественных опросов населения⁷ и мнением экспертов и исследователей милиции. Например, член совета правозащитного центра «Мемориал», сотрудник ЦНСИ А. Осипов утверждает, что «милицейский контроль над соблюдением режима регистрации нередко носит избирательный по этническому признаку характер. Проверяют и задерживают прежде всего тех, в ком можно заподозрить приезжих, и кто выглядит не как большинство» [39] Схожий тезис формулирует О. Щедрина, замечая, что «антропологические признаки являются одними из основных при классификации населения и выделении групп» [53, с. 138]. Проведенный АНО «ЮРИКС» мониторинг в московском

⁷ Например, согласно результатам всероссийского опроса, проведенного в 2002 г. Фондом «Общественное мнение», 47% респондентов, отвечая на открытый вопрос («По Вашему мнению, у кого, у каких людей сотрудники правоохранительных органов чаще всего проверяют документы в общественных местах?»), сказали, что в первую очередь документы проверяют у людей нерусских. При этом 11% респондентов говорили в целом о нерусских, жителях ближнего зарубежья, иностранцах, а 35% выразились конкретнее: «Армяне, грузины и другие с Кавказа»; «горской национальности»; «граждан кавказской национальности»; «кавказские личности»; «черных»; «черных и усатых» [42].

метро показал, что «лица, визуально воспринимаемые как выходцы с Кавказа или из Средней Азии, доля которых среди всех пассажиров метро не превышала 4,6%, составили 50,9% граждан, останавливаемых милицией. Иными словами, у них вероятность быть остановленными милицией была в 21,8 раза выше, чем у остальных» [56, с. 7].

Немотивированные задержания и насилие⁸

Вторая типичная ситуация взаимодействия милиции с представителями этнических меньшинств тесно связана с этнически избирательной проверкой документов. Примеры из отчетов и докладов правозащитников [14, 41; 54, с. 65–80], свидетельствуют о том, что выходцы из стран Средней Азии и Кавказа регулярно подвергаются немотивированным с правовой точки зрения задержаниям, а по данным Левада-Центра, при задержании чаще других становятся жертвами милицейского насилия⁹.

Интервью с экспертами и представителями этнических меньшинства демонстрируют, что процедура проверки документов для «лиц кавказкой и азиатской национальностей» с большой вероятностью может окончиться задержанием, лишением каких-либо правовых оснований. Адвокат, специализирующийся на защите прав этнических меньшинств, подчеркивает обыденность практики немотивированных задержаний представителей этой группы:

«Сейчас [в 2007 г.] обычная практика — это постоянные задержания выходцев из Грузии без каких-либо причин. Например, человека задерживают. У него с документами все нормально, в принципе, но его там продержат больше, чем бы русского продержали. Это отбор по национальности очевидный».

⁸ Согласно ст. 11 ФЗ «О милиции» № 1026-1, сотрудники милиции наделены правом проверять у граждан документы, удостоверяющие личность, а также производить личный досмотр и задержание, «если имеются достаточные основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо имеется повод к возбуждению в отношении их дела об административном правонарушении». Столь расплывчатая формулировка позволяет «мотивировать» досмотр и задержание фактически без каких-либо ограничений. Задержания, связь которых с обеспечением общественного порядка и безопасности неочевидна, в статье называются «немотивированными».

⁹ Об этом же говорят результаты количественных исследований. В частности, опрос работников милиции из 41 города России, проведенный Левада-Центром в 2006 г., демонстрирует, что «большинство милиционеров готовы применять насилие по отношению к подозреваемым или выходцам с Кавказа». Прежде всего, по данным социологов, насилию в милиции подвергаются «приезжие с Кавказа» (67%), «подозреваемые» (63%), «оскорбляющие милицию» (60%) и «иностранцы» (40%) [29].

Подтверждения распространенности такой практики мы находим и во многих интервью с этническими трудовыми мигрантами. Например, 23-летний разнорабочий, приехавший в Петербург из Таджикистана, так описал ситуацию:

«Постоянно есть опасность, что поймают. Мы с ребятами не раз попадались. Бывает, можно немного денег отдать и отстают, а бывает, что держат в обезьяннике по пять часов, как будто я преступник, убил или ограбил кого».

Свидетельства милиционеров, участвовавших в исследовании, также показывают, что практика задержания по принципу этнической принадлежности широко применяется в их повседневной работе: *«Регулярно появляется разрядка на гастарбайтеров»* (43 года, старший сержант); *«Начальство требует задержать столько-то лиц кавказской национальности, и мы их задерживаем»* (28 лет, рядовой). Важно, что такие действия не вызывают у «стражей порядка» какого-то видимого смущения, а воспринимаются как обыденная рабочая процедура: *«Конечно, в первую очередь обращают внимание на внешние признаки. Внешние признаки сразу отличаются от славянской национальности. Прежде всего, это то, что доступно для сотрудника милиции рядового»*, — объясняет 30-летний участковый.

Наши данные показывают, что незаконные задержания могут сопровождаться психологическим или физическим насилием. Приведем ответ сержанта петербургской ППС на вопрос интервьюера «Применяются ли к задержанным кавказцам какие-нибудь силовые методы воздействия?»: *«Если хамит — конечно. Разговариваем, естественно, вежливо. Но, если не понимает — по голове! Потому что, даже если он получит трое суток, он же ничего не поймет. А если недельку полежит в больнице с сотрясением, большие на рожон не полезет»* (34 года, старший сержант). Как правило, милиционеры обращаются к методам физического насилия в двух случаях: если цель незаконного задержания (обычно это вымогательство денег) не достигнута, или если задержанный пытается отстаивать свои права, что воспринимается как «хамство».

Данные нашего исследования находят подтверждение в результатах опросов, направленных на изучение нарушений прав граждан правоохранительными органами, проведенных Левада-Центром в 2004 г.: почти половина россиян считает, что милицейский произвол часто провоцируется национальностью и «неместным» происхождением его жертв: *«Иноэтничность стала более распространенным поводом для милицейского преследования, чем принадлежность к другим “группам риска” — пьяницам, бомжам, подросткам»* [24].

Облавы по месту работы и проживания трудовых мигрантов

Третья типичная ситуация взаимодействия сотрудников МОБ с иноэтничным населением связана с регулярными операциями МВД по борьбе с нелегальной миграцией. Согласно спускаемому министерством плану, в ходе подобных операций сотрудники МОБ должны задержать и оштрафовать «за нарушение режима пребывания» определенное количество нелегальных мигрантов.

Современный институт МВД во многом сохраняет характеристики советской бюрократической структуры, принцип работы которой в большей степени ориентирован на демонстрацию количественных показателей «борьбы» с правонарушениями и преступлениями, чем на реальные потребности общества по охране общественного порядка [9]. Чтобы в отчетах перед Правительством РФ продемонстрировать «бумажную эффективность» своей работы, руководство МВД проводит операции типа «Нелегальный мигрант», в ходе которых милиционеры предпринимают облавы по месту жительства или работы гастарбайтеров.

Иллюстрацией этого типа взаимодействия может служить описание облавы на одном из петербургских рынков, произведенной милиционерами совместно с сотрудниками ФМС, после вступления в силу в 2007 г. запрета иностранным гражданам осуществлять розничную торговлю алкогольными напитками, включая пиво, и фармацевтическими товарами [38]: «*Был у нас рейд несколько месяцев назад. На рынок они зашли с разных входов, чтобы никто не убежал, наверное. Были без формы много, ну, и милиционеры в форме. Наши, кто без регистрации, без разрешения на работу, попрятались: кто под прилавки, кто в кафе. Ну, поймали, конечно, всех. Погрузили в автобус, в милицию повезли*» (42 года, этническая азербайджанка, продавщица). Собранные нами материалы содержат свидетельства о подобных облавах на стройках, в автопарках и даже на промышленных предприятиях.

Помимо облав по месту работы сотрудники петербургской МОБ проводят операции по «отлову» этнических гастарбайтеров в местах их временного проживания¹⁰. Каждый профессиональный участковый знает, где, если нужно, найти «нелегалов»: «*Когда нашему командиру*

¹⁰ Изучавшие жизнь экономических мигрантов из Азербайджана в Петербурге О. Бредникова и О. Паченков писали об облавах по месту жительства: «Если участковый знает, что на его территории живёт кавказец, то он воспринимает его, как потенциальную угрозу порядку и безопасности на участке. Участковый милиционер может безо всякой причины приходить домой к такому “засветившемуся” мигранту, контролировать его приватную жизнь. Это не только оскорбляет чувства мигрантов-“кавказцев”, но и создаёт новые проблемы, например с хозяевами, сдающими им жильё» [3].

шля под хвост попадает: вынь да положь ему нелегалов, я знаю, какие адреса обойти» (33 года, лейтенант). Нами зафиксированы случаи, когда участковые на регулярной основе задерживают для составления необходимого количества административных протоколов одних и тех же «этнических квартиросъемщиков», которые настолько привыкли к этим вынужденным взаимодействиям с милицией, что подобные практики не вызывают у них никакого возмущения и воспринимаются как привычные издержки жизни в мегаполисе: *«Каждый месяц платим милиционеру. Нам повезло, что нормальный участковый — не пьющий. Приходит раз в месяц на квартиру, как за зарплатой»* (38 лет, этническая узбечка, продавщица).

Анализ выделенных типичных ситуаций позволяет обнаружить определенный набор «правил игры», определяющих взаимодействия этнических гастарбайтеров и сотрудников МОБ, а также выделить те правовые, социальные и экономические условия, которые определяют устойчивое воспроизводство именно этих «правил».

Правила взаимодействия

Анализ типичных ситуаций взаимодействия интересующих нас групп показал, что основные правила определяются асимметрией властных полномочий и реальных прав участников. Можно сказать, что в России такая асимметрия в принципе характерна для коммуникации населения и представителей органов охраны правопорядка, поскольку общественный контроль над работой силовых структур и эффективные механизмы защиты законных прав граждан практически отсутствуют, а милиция выполняет преимущественно репрессивно-карательные функции, часто руководствуясь «презумпцией виновности»¹¹. В случае этнических гастарбайтеров неравенство властных и правовых ресурсов ощущается особенно остро.

Сталкиваясь с сотрудниками МОБ, трудовой мигрант «автоматически» оказывается в бесправном положении, потому что, как заметил эксперт правозащитной организации «Гражданский контроль», *«рядовой милиционер обладает маленькой, но неограниченной властью»*. Согласно результатам нашего исследования, в Петербурге в конце 2008 г. обычный милиционер обладал достаточными властными полномочиями, чтобы безнаказанно нахамить, безосновательно задержать

¹¹ Собранные нами данные говорят о том, что институт милиции унаследовал от советского прошлого избирательный подход к праву и «гибкость» в его понимании. Типичный для работы милиции правовой нигилизм порождает систему, в которой состояние любого физического или юридического субъекта можно квалифицировать как существование в модусе «отложенного наказания» [10]. «Презумпцию виновности» иллюстрирует пример советского милицейского фольклора: «То, что Вы не сидите, — это не Ваша заслуга, а наша недоработка».

и даже избить фактически любого этнического гастарбайтера. При этом обе стороны — и мигранты, и сотрудники милиции — одинаково оценивают распределение власти между участниками взаимодействия и, что более важно, действуют исходя из этих представлений. Наши выводы находят подтверждение во множестве недавних публикаций, посвященных российской миграции [2, 12, 21, 33]. Типичный трудовой мигрант — почти идеальный объект для проявления милиционером *«неограниченной власти»*, поскольку весьма ограничен в эффективных ресурсах по защите от милицейского произвола и де-факто лишен правовых гарантий в России.

Есть несколько причин сформированной на сегодня властной асимметрии между сотрудниками милиции и этническими трудовыми мигрантами. Во-первых, действующая нормативно-правовая база наделяет сотрудника МОБ неопределенно широкими правами, оставляя возможность пользоваться этими правами достаточно произвольно, по своему усмотрению¹². Кроме того, законодательные нормы, регулирующие деятельность сотрудников МОБ, не содержат эффективных механизмов обжалования их действий и дисциплинарной ответственности, что вызывает у милиционеров уверенность в безнаказанности противоправных действий [56, с. 65].

Важную роль в утверждении властной асимметрии при взаимодействии милиционеров с гастарбайтерами играют дополнительные полномочия, вытекающие из «оперативных ориентировок» и внутриведомственных приказов, легализующих этнически избирательное «правоприменение». Часто именно «оперативная ориентировка» объясняет дискриминационные действия сотрудников милиции по отношению к этническим меньшинствам:

«Я говорю им [сотрудникам милиции]: “На каком основании останавливаете?” Один смотрит мой паспорт с питерской пропиской, потом говорит: “Основание — ориентировка”. — “Что за ориентировка?!”

¹² Особо следует обратить внимание на некоторые содержащиеся в ст. 11 ФЗ «О милиции» положения [36, с. 16–24], которые открывают возможности для нарушения сотрудниками милиции прав и свобод граждан. С юридической точки зрения не выдерживают критики такие формулировки, как «если имеются достаточные основания подозревать или полагать», «при наличии достаточных данных полагать», или «в отношении которых имеются достаточные основания полагать» [17]. Приведенные формулировки трактуются милиционерами весьма гибко и предполагают потенциальную возможность виновности любого, поскольку не сформулированы четкие критерии, определяющие предполагаемую вину лица. Расплывчатые положения ФЗ «О милиции» позволяют недобросовестным правоохранителям злоупотреблять своим служебным положением, произвольно нарушая права и свободы граждан, в том числе приехавших в Россию на заработки граждан других государств.

Какая ориентировка?» — я нервный был в тот день. Другой, молча, мне листок замусоленный показывает. Там какие-то морды 3 на 4, на ксероксе переснятые. Ничего не разобрать, но все брюнеты» (34 года, петербуржец азербайджанского происхождения, научный сотрудник).

Практика «ориентировок на брюнетов» дает рядовым сотрудникам милиции возможности для этнически избирательного «правоприменения». А. Соболева, комментируя подобные ситуации, пишет: «Популярный аргумент о том, что причиной этнически избирательной проверки документов являются оперативные ориентировки, не выдерживает никакой критики. В ориентировке... должны даваться конкретные приметы конкретного лица, находящегося в розыске. В ориентировку не могут, по законам логики и требованиям норм в области защиты прав человека, попадать целиком целые нации, народности или этнические группы» [47, с. 18]. Но логика «групповых» ориентировок связана с тем, что в подавляющем большинстве случаев они выступают одним из механизмов реализации масштабных политических и идеологических кампаний. Сезонная ориентировка на молодежь обеспечивает призыв в армию, распоряжение «работать» с оппозиционными активистами — срыв акций протеста, а «групповое профилирование» по этническому принципу рассматривается как способ усилить давление в ходе межнациональных или международных конфликтов, например как это было в случае российско-грузинского противостояния¹³.

Собранные эмпирические материалы показывают, что оперативные ориентировки, подкрепленные внутриведомственными приказами и опирающиеся на правовой нигилизм большинства рядовых сотрудников МОБ, создают условия, когда любой представитель этнических меньшинств может быть подвергнут проверке документов и административному задержанию вне зависимости от своего поведения и статуса — даже при наличии всех необходимых документов, удостоверяющих легальность пребывания на территории РФ. Подчеркнем, что властная асимметрия, свойственная взаимодействиям милиционеров с этническими трудовыми мигрантами, складывается не только из гипертрофированных полномочий и безнаказанности первых, но и из дефицита социальных, политических и правовых ресурсов вторых.

Среди причин дефицита социальных ресурсов у большинства гастарбайтеров из Средней Азии и Кавказа — слабое знание русского языка, связанное с тем, что сегодня на заработки в Россию обычно едут 20–30-летние мужчины, представляющие первое постсоветское

¹³ Многочисленные свидетельства произвола сотрудников милиции в отношении выходцев из Грузии можно найти в ряде публикаций [7, 25–27; 28, с. 38–39].

поколение, уже не изучавшее русский в школах. Они мало осведомлены о российском законодательстве, лишены широких социальных сетей и, как следствие, возможности обратиться за поддержкой. Ресурсный дефицит делает трудовых мигрантов уязвимыми для дискриминации и произвола: их «кидают» работодатели, им неохотно сдают квартиры, избивают на улицах, часто с молчаливого согласия прохожих. Но наиболее ярко слабая защищенность этой группы проявляется во взаимодействиях с облеченными властью и полномочиями легитимного насилия сотрудниками милиции.

Дискриминация по признаку этнической принадлежности воспринимается милиционерами и гастарбайтерами «с юга» как привычное для всех «положение дел», предзаданные «правила игры». Из интервью с мигрантами становится очевидным, что для них взаимодействия с милицией являются обыденными и повседневными: их постоянно «тормозят» в метро и на улицах, навешают с проверками по месту жительства и работы. Для сотрудников МОБ, в свою очередь, практики этнически избирательного «правоприменения» давно стали частью рабочей рутины. Чтобы вскрыть социально-экономические причины, приводящие к устойчивому воспроизводству дискриминации по этническому признаку в работе петербургской МОБ, нужно было разобраться во внутренних правилах и тактиках поведения, используемых представителями интересующих нас социальных групп в ситуациях их повседневного взаимодействия.

В первую очередь, нужно отметить, что в подавляющем числе случаев столкновения с милицией мигрант (даже если он критически оценивает правомерность действий сотрудника милиции) предпочитает выстраивать отношения в рамках устоявшихся неформальных правил и тактических схем. Для милиционеров именно неформальные, лежащие за пределами законодательства правила задают реальные границы дозволенного в отношении этнических меньшинств. Важно подчеркнуть, что эти границы значительно шире предусмотренных законом полномочий милиционера. Они включают в себя вымогательство, немотивированные задержания, применение психического и физического насилия, в частности грубую и агрессивную манеру общения с иноэтничными гражданами в любых ситуациях взаимодействия с ними. Собранные в 2006–2008 гг. данные свидетельствуют, что грубость и хамство стали «фирменным стилем» работы милиции общественной безопасности с представителями этнических меньшинств:

«Никакого уважения у них [сотрудников МОБ] нет к человеку. Очень грубо всегда обращаются, даже матом просто» (23 года, этнический узбек, автомеханик).

«Стоят на улице трое в форме ментовской, ручкой так тебе махнут: "Гражданин, иди сюда! А ну-ка документы". То есть все на грани хамства: на "ты" <...> Не церемонятся с нашим братом» (19 лет, этнический грек, строитель).

Сопровождаемые насилием незаконные задержания, помноженные на регулярные операции МВД по борьбе с нелегальной миграцией (которые часто осуществляются с процессуальными нарушениями и в подчеркнuto грубой форме), создают у представителей этнических меньшинств устойчивые фобии в отношении милиции. Фигура милиционера воспринимается большинством гастарбайтеров как угроза личной безопасности:

«Я честно признаюсь, я боюсь их [милиционеров]... Когда вижу их форму поганую, я сразу на другую сторону перехожу» (24 года, этнический азербайджанец, предприниматель).

«Если вижу милиционеров в метро, то напряжение всегда возникает. Одна мысль в голове: как бы не заметили меня. Мимо прохожу — в глаза никогда не смотрю им. Боюсь, остановят» (20 лет, этнический узбек, продавец).

Согласно материалам интервью, для выходцев с Кавказа и Средней Азии взаимодействие с сотрудниками МОБ всегда травматично и в подавляющем большинстве случаев происходит по инициативе милиционеров, то есть носит вынужденный характер.

Чтобы минимизировать риски, возникающие в ходе вынужденного общения с «уличными» представителями власти, этнические мигранты используют специфические тактики поведения: «сеть антидисциплины» [58, р. XV, XVII], «оружие слабых» [59]. Наиболее распространенной «тактикой» этнических гастарбайтеров в Петербурге является максимально возможное избегание контактов с милиционерами. Граждане среднеазиатских и кавказских республик бывшего СССР, приехавшие на заработки в мегаполис, стараются лишней раз не попадаться на глаза «стражам порядка». Они редко позволяют себе прогулки по городу без особой на то необходимости, специально выбирают маршруты проезда от дома до работы, максимально безопасные с точки зрения возможности столкнуться с сотрудниками МОБ, стараются выглядеть незаметно, сливаясь с толпой горожан.

Практики этнической дискриминации в работе милиции, отчасти обусловленные указаниями сверху¹⁴, а отчасти отвечающие личным установкам и интересам сотрудников охраны правопорядка, порождают ксенофобские ожидания у иноэтничного населения, а страх столкновения с проявлениями «милицейской мигрантофобии» во многом определяет поведение гастарбайтеров: *«Главное правило — не светиться, быть как бы незаметным»* (19 лет, этнический грек, строитель).

¹⁴ *«Если теракт или угроза теракта, их [представителей этнических меньшинств] первыми отработывают... Плюс борьба с нелегальной миграцией: два раза в год спускают план по задержанию нелегалов. Поэтому с черными постоянно работаем»* (25 лет, сержант).

Когда этническому мигранту не удается *«остаться незаметным»* для милиционеров и возникает необходимость как-то взаимодействовать со «стражами порядка», используется специфическая модель поведения, которую мы назвали тактикой «поиска общего языка». Она включает целый набор разнообразных уловок, направленных на минимизацию негативных последствий, которыми может грозить мигранту общение с «людьми в милицейских погонах»: от необходимости давать взятку до задержания и даже насилия. Поэтому цель тактики «поиска общего языка» — отделаться «наименьшим из всех зол» в ситуациях вынужденного взаимодействия.

В зависимости от личного опыта и смекалки этнические гастарбайтеры пытаются разными способами *«по-хорошему договориться»* с представителями закона: *«Я стараюсь не конфликтовать с милицией, потому что может хуже быть. Почти всегда можно по-хорошему договориться. Как правило, это вопрос нескольких сотен. Для меня это посильно, к тому же не тратится время и нервы»* (27 лет, этнический чеченец, предприниматель). Обычно тактика «поиска общего языка» заканчивается банальным откупом от «стражей порядка», что находит многочисленные подтверждения в интервью с представителями этнических меньшинств: *«Приходится откупаться от них»* (20 лет, этнический узбек, продавец); *«Просто не хочется связываться, поэтому обычно даю денег и дальше еду»* (32 года, этнический таджик, водитель маршрутного такси).

Правозащитники, занимающиеся проблемами мигрантов, считают, что этнические гастарбайтеры, став жертвами милицейского насилия и произвола, обычно не обращаются с жалобами в официальные инстанции, так как опасаются депортации или мести, одна из форм которой — фабрикация уголовных обвинений (см. подробно [28, 37, 54]). «Лишь немногие из жертв дискриминации сообщают о совершенных на них нападениях и нарушениях их прав. Они привыкли воспринимать дискриминацию как обычное дело» [56, с. 12].

Согласно эмпирическим материалам нашего исследования практика юридической защиты от произвола милиционеров воспринимается трудовыми мигрантами как малоэффективная по трем причинам. Во-первых, работающие на территории РФ азербайджанцы, узбеки, таджики, армяне имеют слишком мало информации о российском законодательстве и своих правах. Большинство наших информантов, приехавших в Петербург на заработки из стран СНГ, говорили, что плохо знают российские законы. Например, прораб «армянской» бригады, занимающейся ремонтом квартир, объяснил, что ставшая для него привычной практика откупа от милиции сложилась вследствие правовой неграмотности: *«Чтобы менты не дергали, законы надо знать. А где мне, “деревне”, в них разобраться. И некогда, и мозгов*

не хватает» (45 лет, этнический армянин). Другой информант рассказал, что правовая некомпетентность вызывает у него постоянное чувство страха попасть в неприятную ситуацию: *«Я водитель, а не юрист. Я плохо понимаю все эти правила... Естественно, я боюсь, что мне... ну, предъявят нарушение какое-то, потому что я не смогу возразить даже»* (32 года, этнический таджик, водитель маршрутного такси).

Во-вторых, трудовые мигранты не верят в эффективность российских законов. Представители этнических меньшинств, принимавшие участие в нашем исследовании, единодушно высказывали мнение о том, что правовые методы защиты от произвола представителей властей и особенно милиции бесперспективны: *«Справедливости нам не добиться. Не стоит тратить время»* (37 лет, этнический узбек, строитель); *«Никогда заранее не знаешь, чем кончится [попытка обращения в контролирующие милицию органы]. Может быть, еще хуже выйдет. Они, мне кажется, повязаны там все»* (23 года, этнический узбек, автомеханик).

И в-третьих, правовое сопротивление произволу, требующее больших затрат времени, сил и денег, плохо соотносится с целями гастарбайтеров и распорядком их повседневной жизни в России. Обычно трудовые мигранты приезжают в РФ из экономически депрессивных регионов с единственной целью заработать денег, при этом вакансии, которые им предоставляются, в большинстве своем предполагают тяжелый и низкооплачиваемый труд. Поэтому у представителей этой социальной группы нет ни времени, ни желания, ни излишка материальных ресурсов для отстаивания своих прав: *«Мы сюда приехали деньги зарабатывать, а не по судам свои права отстаивать»* (19 лет, этнический грек, строитель).

Дефицит ресурсов, в том числе правовая некомпетентность, недоверие к российским государственным институтам¹⁵, отсутствие времени и желания доказывать свою правоту в суде создают ситуацию, когда поиск неформальных способов взаимодействия с милицией является основной моделью поведения трудовых мигрантов. Правила этих взаимодействий основываются на диспропорции в распределении власти и прав, которая обеими сторонами принимается как заранее заданное и неизменное условие, что в итоге нормализует практики этнической дискриминации и милицейского произвола в отношении трудовых мигрантов из Средней Азии и Кавказа.

¹⁵ Например, материалы исследования трудовых мигрантов, представленные группой самарских социологов, говорят о том, что среди гастарбайтеров «уровень доверия к каким-либо институциональным каналам защиты крайне низок. Подавляющее большинство опрошенных [трудо-вых мигрантов из Таджикистана] либо вообще не надеются ни на какую защиту, либо склоняются к неформальным способам правовозащитного поведения» [21, с. 51].

Перераспределение ресурсов между маргиналами

Наше исследование показало, что практики, имеющие явный оттенок этнической дискриминации и правового произвола, являются устойчиво воспроизводящейся формой взаимодействия МОБ и трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге. Неформальный и внеправовой характер этих форм объясняет отсутствие статических данных о распространенности в деятельности милиции дискриминации по признаку этнической принадлежности. Как правило, случаи милицейского произвола в отношении трудовых мигрантов нигде не фиксируются, так как пострадавшие о них не сообщают. Поэтому основным источником информации об уровне «милицейской ксенофобии» являются оценки экспертов, которые мы рассмотрим, прежде чем перейти к рассмотрению социальных механизмов, запускающих практики этнической дискриминации в работе милиции.

Из немногочисленных социологических публикаций можно выделить две позиции. Большинство экспертов оценивают уровень ксенофобии в профессиональной среде милиционеров как высокий и превышающий среднестатистические показатели по населению России в целом¹⁶. Меньшая часть специалистов склонна считать, что ксенофобские установки среди рядовых сотрудников МОБ распространены в той же

¹⁶ Мнение о том, что профессиональная среда рядовых милиционеров пропитана ксенофобскими установками, представлено в публикациях отечественных правозащитников и исследователей, опирающихся на данные количественных опросов. Так, по результатам исследования Левада-Центра, инициированного Фондом «Общественный вердикт» в 2005 г., «среди опрошенных сотрудников милиции идею “Россия для русских” поддерживают 40%, а негативные чувства, в частности подозрение, раздражение и опасение, по отношению к приезжим из республик Северного Кавказа и Закавказья испытывают 67% милиционеров» [13, с. 32.]. О склонности милиционеров к ксенофобии много говорят в правозащитных кругах. Например, сотрудник Московского бюро по правам человека В. Илюшенко отмечал: «Националистические фобии характерны как для нашего истеблишмента, так и для широкого слоя государственных служащих. Ими охвачены в значительной мере и милиция, и суды, и прокуратура» [16, с. 19]. «Характерную для российских милиционеров профессиональную деформацию, которая выражается в сочувственном отношении к носителям ксенофобской идеологии», также подчеркивали М. Кроз и Н. Рагинова [22, с. 17].

степени, что и в других социальных группах¹⁷, что соответствует низкому уровню толерантности российского общества¹⁸.

Результаты анализа собранных в 2006–2008 гг. интервью дают некоторые основания полагать, что рядовой петербургский милиционер не отличается особой склонностью к усвоению ксенофобских установок. Более того, многочисленные примеры дискриминации этнических гастарбайтеров далеко не всегда связаны с ксенофобскими установками милиционеров. Основным источником этнической дискриминации в работе петербургской МОБ является не столько «идеология нетерпимости», сколько «экономика конвертирования» властных ресурсов (права на легитимное насилие) в материальные дивиденды (взятки)¹⁹. Оказалось, что для экономических мигрантов из стран СНГ милиционер является не «представителем властей», а носителем власти и получателем связанных с ней бонусов: он не представляет Власть, а лишь использует ее в личных целях.

В ходе нашего исследования родилась гипотеза, что дискриминационные практики сотрудников милиции в отношении представителей иноэтничного населения в целом и этнических трудовых мигрантов в особенности вызваны, прежде всего, низкими социальным положением и уровнем материальной обеспеченности рядовых милиционеров и только косвенно связаны с их ксенофобскими и расистскими установками.

Сравнительный анализ материалов интервью представителей этнических меньшинств и милиционеров позволяет выделить три типа социальных механизмов, провоцирующих сотрудников МОБ на дискриминацию людей «неславянского» фенотипа: 1) внутриведомственные установки (доминирование приказа над законом, низкий уровень правовой культуры, количественная система оценки эффективности работы милиционеров и их опыт участия в политических кампаниях ксенофобского толка); 2) социально-психологические механизмы (усвоение логики этнически окрашенной ведомственной статистики, дополненное интериоризацией ксенофобских установок, транслируемых

¹⁷ О. Щедрина, сравнивая данные опроса слушателей Академии управления МВД и репрезентативных опросов населения России, пришла к выводу, что «уровень толерантности сотрудников ОВД по отношению к иноэтничному населению не отличается от уровня толерантности жителей регионов, где они служат» [53, с. 140].

¹⁸ О росте ксенофобских установок в российском обществе см.: [8, 13, 19, 30, 39, 40, 48, 52] и др.

¹⁹ В частности, авторы статьи об условиях жизни и работы в России строителей из Таджикистана отмечают: «...87% опрошенных указали на то, что сталкивались со случаями поборов и вымогательства со стороны сотрудников милиции» [21, с. 50].

СМИ и помноженное на негативный личный опыт взаимодействия с представителями этнических меньшинств); 3) экономические механизмы (возможность для сотрудников МОБ получать дополнительные доходы от взяток с иноэтничных граждан).

Говоря о природе ксенофобии «стражей порядка», нельзя преуменьшать значение факторов институционального и социально-психологического характера, однако их совокупное влияние может быть значительно слабее материальной мотивации. Более того, мы склонны предполагать, что часто рассуждения об этнически дискриминационных приказах начальства, воспоминания о личном негативном опыте взаимодействия с меньшинствами и расхожие ксенофобские штампы, встречающиеся в интервью с милиционерами, только маскируют основной мотив: этнические меньшинства являются для милиционеров источником дохода. Доминирование экономического интереса над другими типами мотиваций, побуждающих милиционеров к дискриминации этнических гастарбайтеров, соответствует логике капиталистической экономики, в условиях которой «все формы капитала²⁰ могут в той или иной мере конвертироваться в экономический капитал, в том числе в его денежную форму» [43, с. 29], а согласно П. Бурдье, экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям» [4, с. 18]. Так что основным приводным ремнем этнической дискриминации в работе милиции скорее всего являются не ксенофобские установки сотрудников, а их стремление поправить свое материальное положение.

Важно понимать, что рядовой петербургский милиционер, часто сам приехавший в мегаполис из российских провинций²¹, получает зарплату, которая в конце 2008 года составляла около 12–14 тыс. рублей в месяц, не имея при этом права на легальные подработки²².

«Люди туда [в милицию общественной безопасности] приходят в основном с периферии. Основная масса — это лимитчики, как их раньше называли. Чтобы закрепиться в большом городе. Им трудно найти работу,

²⁰ В. Радаев выделяет экономический, физический, культурный, человеческий, социальный, административный, политический, символический типы капитала [43, с. 22–23].

²¹ Корреспондент «Невского времени» Д. Терентьев утверждает: «Порядка 50 процентов личного состава петербургской милиции общественной безопасности — иногородние граждане, которые вынуждены снимать жилье... Большинство милиционеров — молодые люди с высокими потребительскими запросами, не желающие существовать в рамках прожиточного минимума. Вывод один: несмотря на любые повышения зарплаты, блюстители еще долго будут вынуждены халтурить на стороне» [49].

²² Согласно ФЗ «О милиции» сотрудникам МВД запрещается заниматься любыми видами предпринимательской деятельности и работать по совместительству [36, с. 34].

жилье... раньше их в общежитиях селили. Сейчас я даже не знаю, есть ли эти общежития... Им обещают золотые горы, возможности для карьерного роста, возможности получить как-то жилье в перспективе... Но это все слова. Реальные возможности у них очень ограничены, а зарплаты просто мизерные» (52 года, эксперт правозащитной организации «Гражданский контроль»).

Плохо обеспеченные материально, слабо социально защищенные, озлобленные, зависимые от руководства милиционеры²³ воспринимают этнических гастарбайтеров как дополнительный источник ресурсов, компенсирующий низкий социально-экономический статус рядового состава МОБ. А грубая и агрессивная манера взаимодействия с трудовыми мигрантами, демонстрация власти и своего превосходства являются формой компенсации маргинального социального статуса милиционеров.

Типичный петербургский милиционер действует на манер героя анекдота: «Пришел парень на работу в милицию устраиваться. Получил форму, пистолет и красные “корочки”. Работает. Месяца через три его начальник спрашивает, почему тот не заходит в бухгалтерию за зарплатой, а молодой милиционер с удивлением: “А тут еще и зарплату дают?! Я-то думал, что надел форму, получил “корочки” и крутись, как можешь”». Эксперты, участвовавшие в нашем исследовании, подтверждают экономическую природу избирательного правоприменения, характерного для сотрудников милиции:

«Голодный милиционер выходит на улицу и смотрит, где что плохо лежит? Плохо лежит у пьяных, у хулиганов, у наркоманов... Он смотрит на тех, кто бесправен в его глазах, на тех, с кого можно что-то поиметь. На наркоманов, на бомжей, на мигрантов. Ведь у мигрантов тоже плохо лежит. Что-то может быть не в порядке с регистрацией или с разрешением на работу. Здесь открываются возможности денег отнять» (34 года, юрист, директор юридической консультации).

Другой эксперт, человек с продолжительным опытом службы в МВД, еще более прозрачно выразил мысль об экономической детерминированности «милицейской ксенофобии»:

«Я думаю, что у многих [сотрудников милиции] ксенофобские настроения — это система самозащиты. То есть надо себя оправдать, да? И для этого выдумывается некое: “А <...> понаехали, и поэтому мне жизни нет!” И здесь, конечно, экономический интерес, он первичен. Может, и есть исключения, но те исключения, которые стремятся к нулю. Основная мотивация сугубо материальная» (45 лет, журналист).

²³ А. Новикова из Центра «Демос» одной фразой охарактеризовала положение рядового состава российской милиции: «Если попытаться выбрать наиболее подходящие и емкие слова, которые бы вмещали в себя все разнообразие профессиональной жизни в милиции, то придется остановиться на “бедности”, “несамостоятельности”, “маргинальности”» [32, с. 88].

С этим мнением согласны и сами этнические трудовые мигранты. Как правило, кавказские и среднеазиатские гастарбайтеры считают материальный мотив одним из основных, если не единственным, объясняющим «внимание» сотрудников милиции к людям, отличающимся от «славянского фенотипа». Этнические мигранты не видят в деятельности милиционеров ксенофобских мотивов:

«Я понимаю основной мотив милиционера — ему семью кормить надо. Его зарплата в пять раз меньше моей, но у него есть погоны и пистолет. А у меня есть немного денег. А у него — немного власти. Поэтому он хочет, чтобы я поделился» (45 лет, этнический армянин, строитель).

«Милиционеры живут с нас. Собирают деньги, как дань с неграмотных таджиков... Просто зарабатывают так» (32 года, этнический таджик, водитель маршрутного такси).

«С милицией все деньгами решается. Ну а как еще!» (40 лет, этнический узбек, строитель).

Следуя логике людей, приехавших в Петербург на заработки, милиционеры занимаются сбором *дани*, обменивая свой властный ресурс на деньги этнических гастарбайтеров — одной из самых слабо защищенных групп российского общества, для которой деньги являются единственным типом конвертируемого капитала.

Интервью с сотрудниками МОБ в целом подтверждают мнение представителей этнических меньшинств, сформулированное выше. Наиболее откровенные из информантов прямо указывали на экономический характер практик дискриминации по этническому признаку: *«Каждый сотрудник [батальона ППС] знает, как самому себе повысить оклад. Те же гастеры — постоянный источник дополнительного дохода»* (21 год, рядовой). Другой информант, сотрудник транспортной милиции, без записи на диктофон утверждал, что основной интерес милиции к «лицам нерусской национальности» связан с «возможностью заработать», поэтому поборы с гастарбайтеров не имеют никакой ксенофобской или, как он выражался, «расовой подоплеки». В качестве иллюстрации этого тезиса он рассказал, что его коллеги, выходцы из Узбекистана и Таджикистана, так же, как и «русские милиционеры», участвуют в регулярных поборах с гастарбайтеров, приехавших из стран Средней Азии: *«Приходит поезд с юга, все идут нелегалов обирать, причем наш таджик берет с узбеков, а узбек собирает с таджиков. Даже соревнование между собой устраивали, кто больше наберет»* (43 года, старший сержант).

Приведенный пример подтверждает тезис о вторичности «идеологической ксенофобии» как мотива повседневных поборов и избирательной проверки документов. «Милицейская ксенофобия» связана с тем, что слабая социальная и правовая защищенность трудовых мигрантов делает эту социальную группу особенно удобной для извлечения «неформальных доходов». Обе стороны взаимодействия подтверждали

этот тезис в своих интервью: «Мы всегда будем зайцами, а менты — волками. Таковы правила игры» (45 лет, этнический азербайджанец, предприниматель), «Мигранты просто пахнут деньгами... у них всегда можно найти какие-либо нарушения» (22 года, лейтенант).

Представители этнических меньшинств рассматриваются милиционерами как постоянные «объекты профилактики», поскольку, с одной стороны, позволяют демонстрировать начальству хорошие показатели работы²⁴, а с другой, — являются источниками дополнительных доходов для рядовых сотрудников МОБ. Практики работы милиции демонстрируют дискриминацию, прежде всего, по статусному признаку, по принципу принадлежности к социальным группам, уязвимым с правовой точки зрения и ограниченным в политических, административных, социальных и символических ресурсах. Очевидно, что «избирательный подход» может коснуться любых других групп населения, ущемленных в правах и маркированных государственной властью как «маргиналы» и «социально опасные элементы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин С., Чикадзе Е. Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей: Отчет по проекту. М.; СПб., 2008 (рукопись).
2. Белохвостова О. Производство и потребление символов «инаковости» в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10 (спецвыпуск). С. 160–166.
3. Бредникова О., Паченков О. Экономические мигранты из Азербайджана в Санкт-Петербурге: проблемы адаптации и интеграции // *Caucasian Regional Studies*. 1999. Vol. 4. Issue 1 [<http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/0401-04R.htm>].
4. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 17–33.
5. Витковская Г. Из всех российских фобий сильнейшая — кавказская // Демоскоп-Weekly. 2004. 22 февраля.

²⁴ Проведенный нами анализ внутриведомственной логики работы подразделений МОБ указывает, что размер оплаты труда рядового милиционера зависит, прежде всего, от непосредственного начальства. Установленный порядок оплаты труда состоит из двух частей: фиксированной ставки, размер которой определяется штатным расписанием, и разнообразных дополнительных выплат (премий, материальной помощи и проч.). По нашим данным, доплаты составляют от 30 до 60% ежемесячного дохода сотрудников милиции. При этом надбавки — это не разовые выплаты, а постоянная составная часть зарплаты рядового сотрудника. Решение о выплате надбавок конкретному сотруднику выносится руководителем. Порядок принятия таких решений непрозрачен. В результате доход конкретного сотрудника милиции зависит от расположения к нему начальства. А это расположение достигается высокими количественными показателями.

6. *Выжutowич В.* «Кавказская» национальность // Россия. 2007. 29 марта.
7. *Ганнушкина С.* Преследования и притеснения граждан и бывших жителей Грузии в октябре 2006 года / Совет при Президенте РФ по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека. 2006. 18 октября.
8. *Гилинский Я.* Полиция и население: кто для кого? // Отечественные записки. 2003. № 2 [<http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/glinsk-pr.htm>].
9. *Гладарев Б.* Мутации дяди Стёпы // Нева. 2009. № 1. С. 153–165.
10. *Гладарев Б.* Условия службы и социальное положение рядовых сотрудников милиции: социологический очерк к юбилею // Телескоп. 2008. № 1. С. 12–24.
11. *Графова Л.* Полюби их, Родина! // Российская газета. 2006. 28 июня.
12. *Гудков Л.Д.* Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6 (80). С. 60–77.
13. *Гудков Л., Дубин Б.* Приватизация полиции // Индекс произвола правоохранительных органов: оценки социологов и комментарии правозащитников. М.: Общественный вердикт, 2005. С. 11–33.
14. Дискриминация по этническому признаку в Москве и Московской области в 2004 г.: Доклад историко-просветительского, благотворительного, правозащитного центра «Мемориал» [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <http://design1.memo.ru/news_discrimination/in/?uid=216>.
15. *Забрянский Г.И.* Распространенность дискриминационных практик милиции: предварительные результаты пилотажного исследования // Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России: Материалы международного научно-практического семинара / Под ред. В.М. Баранова. Н.-Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. С. 34–40.
16. *Илюшенко В.* Ксенофобия и политика в современной России // Противодействие ксенофобии и этнической дискриминации: Учеб. пособие для сотрудников аппаратов уполномоченных и комис. по правам человека в РФ. Ч. 1 / Сост. О. Федорова. М.: Моск. Хельсинк. группа, 2005. С. 15–26.
17. *Кайханиди И.Л.* Права и произвол милиции // Новая газета. 2004. 2 августа.
18. *Карпенко О.* Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: ИЭиА РАН, 2002. С. 183–188.
19. *Кожневникова Г., Верховский А.* Посевная на поляне русского национализма // Информационно-аналитический центр «Сова». 2007. 27 июня [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/96A2F47?print=on>>.
20. *Козина И.* Case study: некоторые методические проблемы // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 177–189.
21. *Козина И.М., Карелина М.В., Металина Т.А.* Трудовые практики иностранных рабочих в России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 44–52.
22. *Кроз М., Ратинова Н.* Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Academia, 2005.

23. Куликов С. В Москве открывается сезон охоты на ремонтников-нелегалов // Независимая газета. 2008. 17 апреля.
24. Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 288–300 [<http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=921>].
25. Ливанов Б. Вот такое мимино // Новая газета. 2006. 9 октября.
26. Липский А. Фоторобот российского обывателя. Ч. V: Ксенофобия // Новая газета. 2008. 18 августа.
27. Мельников К. Грузная дюжина // Время новостей. 2007. 6 апреля.
28. Мигранты в России: Отчет международной исследовательской миссии НКО «Гражданское содействие» и Международной федерации по правам человека (FIDH). 2007, июль [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <<http://www.fidh.org/IMG/pdf/Migranrussie472-4russe2007.pdf>>.
29. Милиция любит насилие // Газета.Ru. 2006. 15 февраля [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <http://www.gazeta.ru/2006/02/15/oa_188849.shtml>.
30. Муравьев А. Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. 2004. № 4. С. 279–287 [<http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=920>].
31. Национализм, ксенофобия и нетерпимость в России. М.: Московская Хельсинская группа, 2002.
32. Новикова А. Портреты рядовых милиционеров в современной правоохранительной системе // Неприкосновенный запас. 2005. № 4. С. 86–92.
33. Нуралиев Н.Н. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 68–72.
34. О внесении дополнений и изменений в Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в РФ»: ФЗ № 110 от 18 июля 2006 // Российская газета. 2006. 20 июля [<http://www.rg.ru/2006/07/20/inostrancipolozhenie-dok.html>].
35. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ: ФЗ № 109 от 18 июля 2006 // Российская газета. 2006. 20 июля [<http://www.rg.ru/2006/07/20/migraciya-uchet-dok.html>].
36. О милиции: Федеральный закон № 1026-1 от 18 апреля 1991 г. Текст с изменениями и дополнениями на 2008 г. М.: Эксмо, 2008.
37. О расизме в Российской Федерации / Международная амнистия. М., 2006 [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <http://hro.org/actions/nazi/2006/05/Racism_RU_prelimtext.pdf>.
38. Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации: Постановление Правительства РФ № 683 от 15.11.2006 // Российская газета. 2006. 16 ноября [<http://www.rg.ru/2006/11/16/kvota1-doc.html>].
39. Осипов А. Этническая и расовая нетерпимость и дискриминация / Правозащитное движение России. Коллективный портрет. М.: ОГИ, 2004. С. 81–91.
40. Паин Э.А. Издержки российской модернизации: этнополитический аспект // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 148–159.
41. Права человека в регионах Российской Федерации: Доклад о событиях 2004 г. / Отв. ред. Н. Костенко. М.: Моск. хельсинкская группа, 2005.

42. Проверка документов у граждан. М.: ФОМ, 2002. 30 сентября [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <[http://bd.fom.ru/report/cat/az/P В Р»В Р В PIP, B/militia/dd043924](http://bd.fom.ru/report/cat/az/P%20В%20Р%20PIP,%20B/militia/dd043924)>.
43. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.
44. Римский В.Л. Кризис в российской системе управления и нарушения прав человека правоохранительными органами // Нарушения прав человека российскими правоохранительными органами: причины и масштабы явления, практика и эффективные методы защиты прав пострадавших: Матер. конф. 27–28 января 2005 г. М.: Фонд «Общественный вердикт», 2005. С. 71–89.
45. Ромодановский [К.] В России на миграционный учет встали более 6 млн мигрантов // ИА Росбалт. 2007. 8 ноября [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <<http://www.rosbalt.ru/2007/11/07/428877.html>>.
46. Савюк Л.К. Правоохранительные органы: Учебник. М.: Норма, 2007.
47. Соболева А.К. Дискриминация и этнически предвзятый подход: определение терминов и пути развития законодательства // Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России: Материалы международного научно-практического семинара / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2006. С. 7–27.
48. Тейлор Б. Правоохранительные органы и гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 148–162.
49. Терентьев Д. Бизнесмент в законе // Невское время. 2007. 24 января.
50. Цветкова Н. Планы по реформированию правоохранительных органов в России: факты, мнения, позиции // Реформа правоохранительных органов: преодоление произвола. М.: Демос, 2005. С. 95–140.
51. Шириков А. Глокальный самосуд // Эксперт. Северо-запад. 2006. 11 сентября. С. 48.
52. Шнирельман В. Мигрантофобия и «культурный расизм» // Ab Imperio. 2008. № 2. С. 287–323.
53. Щедрина О.В. Возможности использования принципов мультикультурализма в практике поддержания правопорядка в полиэтничных городах: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.
54. Эксплуатация трудовых мигрантов в российском строительном секторе / «Human Rights Watch». 2009. Февраль [online]. Дата обращения к документу: 26.12.2009. URL: <<http://www.hri.ru/docs/?content= doc&id=465>>.
55. Эстетическая культура сотрудников органов внутренних дел России: Учеб. пособие / Сост. А.А. Гришин, С.С. Пылев, Н.В. Румянцев, А.В. Щеглов. М.: Щит-М, 2008.
56. Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро: Доклад. М.: Новая юстиция, 2006.
57. Язык вражды против общества: Сборник статей / Сост. А. Верховский. М.: Аналитический центр «Сова», 2007.
58. Certeau M. de The practice of everyday life. Berkley: University of California Press, 1983.
59. Scott J.C. Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance. New Heaven: Yale University Press, 1985.